

INSTITUTE OF KNOWLEDGE INTEGRATION

IKI ACADEMY

RESEARCH PAPER

ITKI 6300

To understand/^{to accept} the Past and to accept/^{to understand} the Present:

the Meaning of the Motto of Banū Naṣr Dynasty

for the Contemporary Resident of Andalusia

(Islamic Anthropology)

Student: ADILIA IULGUSHEVA

Student ID: PG21010003

Supervisor: dr. OLEG YAROSH

August, 1, 2024

ИНСТИТУТ ИНТЕГРАЦИИ ЗНАНИЙ

ВЫПУСКНАЯ РАБОТА

ІТКІ 6300

понять/принять прошлое и понять/принять настоящее:

значение девиза династии бану Наср

для современного жителя Андалусии

(Исламская антропология)

Студент: Адиля Юлгушева

(номер студента PG21010003)

Научный руководитель:

д-р Олег Анатольевич Ярош

1 августа 2024 г.

ВВЕДЕНИЕ

Историческая справка

Династия бану Наср (Насриды), возводившая свое происхождение к сподвижнику Пророка (да благословит его Аллах и приветствует) из числа ансаров Медины Са‘ду б. ‘Убāде, принадлежавшему к южноаравийскому племени бану хазрадж, правила Гранада эмиратом более двух с половиной веков. Выйдя победителем из противостояния с Ибн Худом, в 1238 г. Абū ‘Абдаллāх Мухаммад ибн Йūsuf ибн Наср (Ибн ал-Ахмар), согласно полулегендарной истории, торжественно войдя в город Гранада, воскликнул «*Wa lā ẓāliba illā Allāh*/Нет победителя, кроме Аллаха!». Город стал столицей эмирата, сам же эмир принял почетный титул (*лақаб*) ал-Гāлиб би-Ллāх (победитель с помощью Аллаха). Фраза «Нет победителя, кроме Аллаха» стала девизом основанной им династии Насридов, правившей Гранада эмиратом до 1492 г., когда объединенные усилия христианских монархов Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской положили конец мусульманскому правлению на Пиренейском полуострове.

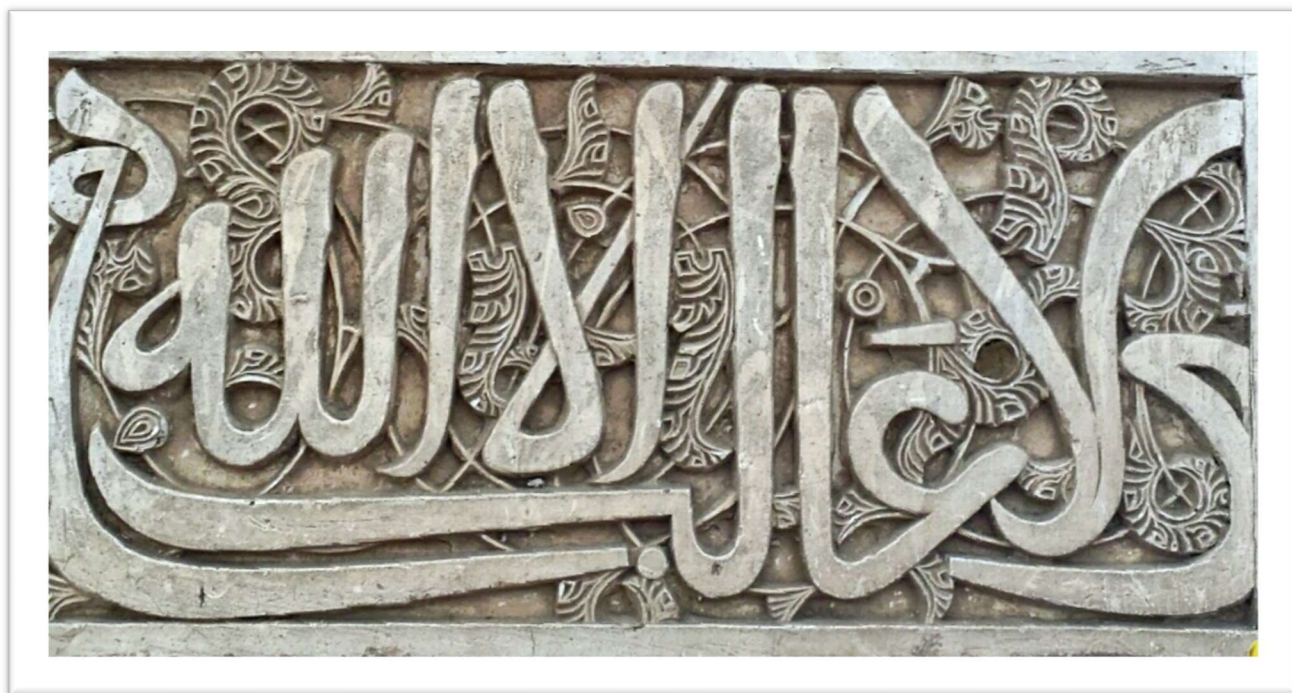
«Нет победителя, кроме Аллаха» – подобная цитата отсутствует в Коране, однако и по содержанию, и по форме она перекликается с *шахāдой* («*лā илāха иллā Аллāх*/Нет бога, кроме Аллаха»). В период правления Насридов фраза эта была увековечена на многочисленных произведениях монументального искусства, возвеличивая династию, напоминая о могуществе и воле Всевышнего. Исполненный в различных формах девиз сегодня можно увидеть сохранившимся на поверхностях стен дворцово-музейного комплекса Альгамбра¹ и других архитектурных сооружений той эпохи, в музее Альгамбры хранятся многочисленные экспонаты с изображенным на них девизом, такие как вазы, знамена, ткани. Туристы сегодня имеют возможность приобрести себе на память сувенир² с этой надписью в музейном магазине, или в одной из бесчисленных сувенирных лавок на базарных рядах города. Девиз Насридов можно увидеть на футболках, магнитах, часто он украшает интерьеры выполненных в мусульманском стиле общественных заведений, например, ресторанов, кафе, чайных³. На иллюстрации представлен девиз Насридов, изображенный (в зеркальной проекции) на стене зала ожидания автобусной станции города Альмуньикар (провинция Гранада)⁴.

¹ Иллюстрация 1 в приложении.

² Иллюстрация 2 и 3 в приложении.

³ Иллюстрация 4 в приложении.

⁴ Иллюстрация 5 в приложении.

(илл.1)

Объектом (1) нашего исследования, который связывает нас непосредственно с **объектом (2)**, является изображение девиза династии Насридов (илл.1)⁵. В **объекте (1)** мы различаем как его форму, так и содержание. Формой мы считаем само изображение, т.е. надпись, выполненную характерным насридским почерком (куфи и курсив) на различных поверхностях (камень, алебастр, керамика, металл, дерево, ткань) в различных вариантах художественного исполнения с использованием разных стилей и техник декорирования; содержанием для нас является сама фраза – как девиз династии, так и ее более общий религиозный смысл.

Сочетание формы и содержания превращает объект в символ, который узнается как визуально (изображение), так и на слух (фраза). Для нас же этот объект является посредником, своего рода медиумом, который способствует раскрытию **объектом (2)** своих глубинных внутренних переживаний и трансляции им вовне наполненных важным для него значением смыслов; таким образом объект этот, активизируя внутренние процессы, доносит до нас важные для исследования данные, стимулируя подсознание респондента и позволяя его сознанию выдавать наличествующие в нем образы и высказывать связанные с ними идеи, мысли. Таким образом, **объект (1)** оказывает на

⁵ В опросе использовалось именно это изображение.

объект (2) воздействие визуально и аудиально: и на его зрительное восприятие, и на его аудиальное воображение.

Объект (2) исследования – реципиент, воспринимающий **объект (1)** и отвечающий на подготовленные нами вопросы, связанные с **объектом (1)**, это современный житель юга Испании, Андалусии (подробнее о выборе респондентов далее в методологии исследования).

Главной задачей работы было выяснить то, как воспринимается человеком изображение, которое вместе с вопросами было отправлено нашим респондентам по e-mail, WhatsApp, или Facebook с целью проведения опроса (в данном случае для нас не представляло важности, происходит ли взаимодействие человека с оригинальным объектом непосредственно в аутентичном пространстве, поскольку даже восприятие человеком самого изображения вне контекста окружающего пространства будет способствовать пониманию нами того, чем этот объект является для человека, и того, что он несет в себе для него; физический контекст в данном случае не важен, поскольку мы находимся в сфере наличия контекстов смысловых.

Поэтому мы также можем сказать, что предметом нашего исследования является не объект, а скорее сам его образ и то, что он символизирует и значит для людей, обнаружение связанных с этим образом смыслов, которые люди воспроизводят, создают и воссоздают каждый раз смотря на это изображение, а также различение проходящих сквозь этих людей нарративов, которые на них влияют, осознают они это или нет.

Таким образом, нашей задачей было понять, является ли для человека это изображение чем-то большим, чем просто девиз династии, что видит человек за этим девизом, какие измерения могут открываться при его взаимодействии с ним: историческое, социальное, религиозное, личное, культурное – и как все это может влиять на самоопределение человека, его самоидентификацию, его нарратив о самом себе, о его месте в стране проживания и в ее истории, а также о самой истории и его собственной жизни.

Цели исследования заключались в следующем:

- Выявить, какую семантическую нагрузку несет в себе изображение девиза династии Насридов для современного жителя юга Испании, какое смысловое значение вкладывает человек сегодня в этот символ, *чем* он для него является; *к чему* в человеке обращается этот символ, что высвечивает в его сознании и подсознании.
- Узнать, что этот девиз выражает для мусульман Испании (как прибывших из стран с мусульманским большинством, так и для обращенных в ислам испанцев), а также для христиан, проживающих в Гранаде, происходящих главным образом из Андалусии.

- Выяснить, каким образом в человеке отзывается девиз династии Насридов (как содержание, так и форма), являясь символом мусульманского прошлого города (Гранада) и региона (Гранадский эмират, провинция Андалусия сегодня). Понять, каким образом закодированная в этом символе информация проявляется по-разному, отражаясь в каждом конкретном человеке, какие образы активизирует, какие именно эмоции-мысли-чувства находят свой выход из внутреннего мира человека при упоминании этой фразы, при взгляде на это изображение, в зависимости от происхождения человека, его опыта и знаний.

- Увидеть, какие внутренние переживания проецирует человек на этот символ. В свою очередь, какие переживания этот символ вызывает в человеке: какие смыслы активируются в человеке, какие чувства он испытывает, какие эмоции у него возникают. Что они (эти возникающие образы-ассоциации-мысли-идеи-оформленные в слова) говорят (не говорят) о нем самом, что этот символ говорит человеку, как видят его люди, чем видят его для себя, что видят в нем от него и от себя самих. Рассматривают ли люди этот символ сквозь призму своего опыта, знаний, происхождения или никак не пропускают через собственную личность, не связывая его с собой. В таком случае с чем тогда связан для них этот символ. Можем ли мы сказать, что, смотря на это изображение и видя этот текст (форму и содержание), человек формулирует или воспроизводит свои субъективные (и объективные) смыслы, которые у него сформированы образованием, культурой, артикулирует их, облачая в слова, возможно это передается из поколения в поколение, возможно, он обрел их на собственном опыте.

В ходе исследования предполагается приблизиться к пониманию того, чем является сегодня этот символ для жителя юга Испании - объектом культурного наследия или смыслодержателем и смыслообразующим фактором, который и сегодня продолжает играть определяющую действия человека роль. С помощью опроса мы попробуем определить, какие смыслы человек обнаруживает в себе, и какие грани самого себя открываются ему в процессе рассмотрения этого изображения и размышления о его значении.

Методология исследования

Исследование предполагает использование междисциплинарного подхода, где будут задействованы инструменты, разработанные в рамках антропологии, культурологии, психологии, искусствоведения, а также применен исторический и сравнительный анализ. Поскольку родной язык позволяет открыть доступ к более глубоким переживаниям человека, являясь ключом и проводником к его глубинному восприятию окружающего мира, опрос проводится на испанском и арабском языках для испанцев (христиан и

мусульман) и арабов (мусульман) соответственно⁶. Ответы были получены как в письменном, так и в устном виде (аудиосообщения). Выборка состояла главным образом из знакомых автора (стихийная выборка), также был использован метод снежного кома (меньшая доля из общего количества респондентов). В опросе приняли участие арабы (Марокко (2), Палестина (1), Сирия (2)), которые в течение длительного периода проживают в Испании, и коренные испанцы (жители Гранады (2) и Андалусии (1) в целом, а также выходец из Сеуты арабского происхождения (1). Что касается религиозной принадлежности, были опрошены мусульмане (арабы), принявшие ислам испанцы, а также несколько испанцев-христиан. Мусульмане и арабы из других регионов, не связанных с Испанией, к опросу не привлекались ввиду необходимости ограничения рамок исследования. В качестве контрольного респондента к опросу был привлечен житель Каталонии (1), который никогда не бывал в Андалусии. Были опрошены представители различных профессий и рода деятельности, среди которых история, археология, арабистика, исламоведение, социология, преподавание, журналистика, туризм, общественно питание и т.д. Возрастные группы приводятся в скобках рядом с ответами респондентов: 1-я группа – до 40 лет, 2-я группа – после 40 лет.

В ходе опроса участникам были заданы **открытые вопросы** для последующего проведения **качественного контент-анализа**⁷ результатов:

1. Что вы чувствуете и о чем думаете, когда смотрите на это изображение (*илл. 1*)?
2. О чем говорит вам это изображение? Какие смыслы это изображение содержит для вас?
3. С чем это изображение связано для вас и видите ли его связь с собой?
4. Помогает ли это изображение вам осмыслить прошлое и понять настоящее?
5. Как проявляется ваша идентичность в связи с этим изображением?
6. Что вы хотите рассказать, смотря на это изображение? О чем вы хотите говорить, смотря на это изображение?

⁶ «Сильно эмоциональные слова или выражения не вызывают одинаковой эмоциональной реакции в родном и иностранном языках. Почему так происходит, пока точно неизвестно. Есть предположение, что это связано с тем, как обычно приобретаются родной и иностранный языки: в то время как родной язык мы осваиваем в эмоционально насыщенном семейном контексте, иностранные языки часто изучаются в более нейтральном академическом контексте. Есть еще одно потенциальное объяснение: родной язык буквально впечатан в наш мозг». Источник: «Память звука, беспамятство слова. Можно ли забыть родной язык»//Нож (knife.media), <https://knife.media/forgotten-native/>; см. также «[Emotionality differences between a native and foreign language: theoretical implications](https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2014.01055/full)»//Frontiers (frontiersin.org).

⁷ Также мы использовали наблюдение, которое было осуществлено ранее.

7. Какие истории хранит это изображение, по вашему мнению?

Вопросы исследования

Вышеперечисленные 7 вопросов задавались участникам опроса для того, чтобы ответить на следующие вопросы исследователя:

- ❖ О чем говорит сегодняшнему жителю Испании девиз династии Насридов «Нет победителя, кроме Аллаха!» и говорит ли о чем-либо? Чем он является для человека, что значит для него, символизирует ли что-либо, на что указывает, какие ассоциации и аллюзии вызывает? Следует отметить сразу, что интерес для исследователя представляют главным образом ответы мусульман и тот предполагаемый контраст, который ожидается увидеть в ответах христиан в сравнении с ответами мусульманских участников опроса.
- ❖ Как откликается в человеке это изображение, отголоски чего слышит человек при взгляде на это изображение, на какие размышления оно его наводит, какие коннотации содержит в себе для него (однозначные или неоднозначные), ставит ли перед ним вопрос или дает ему ответ, подтверждает для него что-либо или заставляет в чем-то сомневаться, заставляет задуматься о чем-то или резюмирует и констатирует факты, придает уверенности или ввергает в неуверенность?
- ❖ Как этот объект отражает идентичность человека? Видит ли человек в нем отражение и отображение своей идентичности (личной и/или коллективной)? Какая именно эта часть идентичности? Это часть принятая или отторгаемая; отвергнутая другими или отвергаемая самим собой? Как помогает этот объект определять идентичность, на чем строится это определение, на отрицании (чего?) или на признании? Как проявляется идентичность человека в отношении этого объекта; является ли он манифестацией идентичности человека? Как человек конструирует свою идентичность в соответствии с этим объектом, исходя из него? Присваивается ли этот объект как часть идентичности; является ли он частью некоего целого, что эту идентичность составляет? Помогает ли этот объект поддерживать и сохранять идентичность человека?
- ❖ Какое место он занимает в повседневной жизни человека? Помогает ли ему в различных обстоятельствах и как: поддерживает, ободряет, дает уверенность, или наоборот, огорчает, дает надежду на будущее или заставляет печалиться о прошлом,

придает уверенность или неуверенность в себе, заставляет сомневаться в себе или группе (ин-группе), в других (аут-группе)?

- ❖ Как человек смотрит на этот символ и чем видит его, насколько актуальным это представление человека является сейчас: объект — это часть настоящего или просто наследие прошлого, то, что осталось, или то, что продолжает существовать и влиять на современную реальность. Существует параллельно вместе с каждодневной реальностью, являясь ее частью, или существует сам по себе, для музея, для сохранения наследия. Сохраняется для чего (имеется в виду не физическое сохранение)? Как что? (Для католиков): как символ победы? - (решение, которое было принято монархами, было ли подвергнуто пересмотру? Политизация?) Или творит сегодняшний день, помогает осмысливать настоящее, понимать его с разных сторон, а не с одной перспективы, приводит к каким-то решениям, действиям (например, способствует диалогу, укрепляет межрелигиозные отношения, или наоборот, заставляет почувствовать свою инаковость (относительно чего, лучше/хуже другого)). (Для мусульман): влияет ли на определение статуса себя (выше других, ниже других) и других, чувствует ли себя человек маргинализированным в связи с какой-то причиной? Подчеркивает ли он в человеке чувство отчужденности, чувствует ли человек себя Другим, или считает Другим других людей, группу, не-себя, тех, кто не-он, не-такой-как-он (с чем связано); каким образом это находит отражение в связи с объектом?
- ❖ Какое место этот объект занимает в жизни конкретного человека? Какое место этот объект занимает во взаимоотношениях между людьми разных вероисповеданий и культур? Стоит ли он между людьми, направляя их друг против друга, или, наоборот, является пространством, в котором осуществляется встреча и диалог, взаимопонимание и взаимоуважение, взаимный интерес?
- ❖ Является ли он признаком разделения, отчуждения от других, или отождествления, обостряет ли взаимные противоречия или внутренние конфликты (обвинения, обида, сожаление, вина)? Отчуждают ли его от себя, или отождествляют с собой?
- ❖ Разделяется ли форма и содержание, каким образом они существуют отдельно друг от друга, как это можно понять и о чем это говорит? Разводят ли эти понятия люди, несет ли какой-то иной смысл содержание, отдельный от династии, истории?
- ❖ Религиозная составляющая насколько явно проявлена в этом символе для человека?
- ❖ Объект, который встречается повсюду, часто попадает на глаза: заставляет ли он думать о чем-то или слившись с ландшафтом не навеивает никаких реминисценций

(становится привычным, обыденным и оттого незаметным – Если так, то что это? игнорирование? Намеренное, сознательное или бессознательное?

- ❖ Какое мы можем подобрать правильное и соответствующее слово/термин для обозначения этого объекта в отношении его роли и значения для человека? Чем он является для них? Знак? Символ? Образ? Указание? Напоминание?
- ❖ Можем ли мы сказать, что он является сосредоточением и квинтэссенцией того, что было и в то же время отражает то, что есть, это знак прошлого или настоящего и будущего? При этом является ли этот объект символом для выражения и обозначения чего-то общего или чего-то частного, личного, персонального? Что в нем означающее, а что означаемое для каждого конкретного человека?

Ответы на все эти вопросы мы будем искать, обратившись к материалу, который предоставили нам наши респонденты в своих сообщениях.

АНАЛИЗ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ

Для того, чтобы провести исследование нам необходимо будет прежде всего выяснить, какие **эмоции** возникают у человека при ответе на вопросы, выявить какие **мысли** и **чувства** у него появляются, какие **образы** всплывают в его сознании, какие **темы-сюжеты** вспоминаются им при обращении к этому изображению-символу.

Внимательно рассматривая изображение, мы видим, что за основной фразой, четко выделяющейся на общем фоне, на заднем плане проступают некие контуры - очертания узоров в виде стилизованных растительных орнаментов и арабесок (в зависимости от типа изображения), которые представляют собой подложку-подтекст для основной надписи. Сможем ли мы разглядеть подобный «подтекст» в ответах наших респондентов: увидим ли мы то, что скрывается за высказанным ясно, то, что остается на фоне тогда, когда на переднем плане четко выделяется и обозначается основная мысль?

В ходе последующего анализа мы попытаемся понять, не теряя из виду главную надпись, но при этом всматриваясь в дальний фон, стараясь уловить подтекст, или вычитать его между строк: неявные мотивы, не всегда в первый же момент замечаемые слушающим и, может быть, не до конца осознаваемые респондентом, которые остаются завуалированными и нечеткими и могут не привлекать внимание исследователя сразу - для того чтобы глубже раскрыть, как связан этот объект с жизнью человека сегодня и какое место он занимает в ней.

Мы попробуем узнать, что хранится в памяти людей, проносят ли они сквозь века истории «воспоминания» о прошлом, попытаемся разобраться с тем, можно ли назвать эту

память генетической (или же это конструкция является культурной, связанной с непрерывным воспроизведением соответствующих нарративов из поколения в поколение), попробуем охарактеризовать ее исходя из категорий исторической памяти.

Прежде чем приступить к анализу ответов, данных нашими респондентами, обозначим возможные траектории предполагаемого развития *сюжетной линии* работы, наметив контуры нашей рабочей гипотезы. Так перед тем, как были получены ответы, предполагалось, что участники опроса поднимут главным образом следующие темы: **история, наследие, идентичность.**

В испанском художественно-документальном фильме 2019 года «Ключи памяти/Las llaves de la memoria», посвященном теме поиска идентичности, были определены две группы людей: те, кто не хочет вспоминать, и те, кто не может забыть. В контексте нашего исследования чем будет являться рассматриваемый нами объект (девиз): тем, что одни «не хотят помнить», а другие «не могут забыть», или выйдет за рамки этой дихотомии?

Пожалуй, именно с этой стороны мы и попробуем направиться в сторону ответов наших респондентов, начав их анализ с рассмотрения вопроса о связи объекта исследования с идентичностью современного жителя юга Испании.

Итак, какое представление о собственной идентичности имеют сегодняшние жители юга Испании: что думает о самом себе и прошлом своей страны испанец-католик? Каким видит прошлое своего народа и свое место в сегодняшней реальности принимающей его страны мусульманин арабского происхождения? А что может сказать обо всем этом испанец, который принял ислам⁸.

Что представляет собой сегодня идея идентичности испанцев в целом и жителей юга Испании (Андалусии) в частности⁹: задумываются ли они о том, кто они, в чем их особенность, чем является идентичность для них, на чем основывается, в связи с чем обнаруживается и в сравнении с чем четко обозначается? Каковы ее грани, составляющие, представляется ли она им статичной и неизменной постоянной, видят ли они ее менявшейся во времени и изменившейся со временем? Что такое идея идентичности для представителей мусульманского населения Испании, как арабского, так и испанского происхождения? Насколько коррелируют личная и коллективная идентичности, и где находится то место, где личная идентичность вливается в единый поток коллективной; и чем тогда отличается

⁸ В эту группу могут входить как принявшие ислам испанцы, так и испанцы-мусульмане во втором поколении. К сожалению, в данном опросе количество испанцев-мусульман было незначительным, исследование необходимо продолжать.

⁹ Это действительно является в настоящее время предметом дискуссий и дебатов, в которые вовлечены не только научные, но и политические круги. Можно в этой связи упомянуть лозунги, которые часто можно увидеть во время митингов и демонстраций – «Andalucía es mi país, España es mi castigo!», «Viva Andalucía libre!», «Andalucía no es España!» и тому подобные.

выражение идентичности на каждом из этих двух отрезков? Возвращаясь непосредственно к нашему исследованию, видит ли человек в рассматриваемом объекте отражение своей идентичности, является ли этот объект сам по себе частью идентичности человека и на каких основаниях он считается таковым? Представляется ли прошлое единым, или оно фрагментировано, полностью ли оно принимается или частично, и есть ли место Другому, как в прошлом, так и в настоящем. Продолжает ли Другой оставаться Другим, как представитель иной религии? Другой сегодняшнего дня – это *тот же* Другой из далекого прошлого, или же он отличается от *того* Другого?

Обращаясь к истории восприятия Другого в Испании, мы видим, какой долгий и трудный путь был пройден для преодоления однозначно негативного отношения испанцев-католиков к мусульманскому периоду истории. Однозначный *нарратив* исторических событий претендовал на однозначное прочтение и трактовку неоднозначной реальности. Идеология Реконкисты¹⁰ и предания о многовековой борьбе христианства и ислама, безусловно оказывали свое воздействие на протяжении длительного периода, а в некоторых случаях продолжают и по сей день влиять на представления людей друг о друге. Безусловно, века сосуществования мусульман и христиан на территории Пиренейского полуострова представляют собой сменяющие друг друга периоды сотрудничества и конфронтации, которые, однако, являли собой именно сосуществование представителей различных религий и этносов на обеих сторонах границы, которая была в большей степени умозрительной, нежели фактической. Средневековая парадигма была подвергнута пересмотру после 1492 года, который провел окончательную разделительную линию между победителями и побежденными в государстве Католических королей, которое начинало отсчет Нового времени. При Католических королях (Reyes Católicos – титул Изабеллы и Фердинанда, полученный ими после 1492 г.) были заложены основы для перехода от сословной монархии к абсолютной¹¹. В последние десятилетия XV века мы являемся свидетелями зарождения эпохи, в которой сильная тенденция правительств к осуществлению централизованной и авторитарной власти определяла то, что князья и политические лидеры искали в идейной однородности своих подданных одну из главных основ для осуществления контроля над ними, то, что они считали необходимым для достижения социальной сплоченности в соответствии с их критериями¹². Таким образом, модель национального государства раннего Нового времени начала заменять более раннюю плюралистическую модель государства и религии. В новом дискурсе, который превозносил

¹⁰ В современной испанской науке понятие Реконкисты было подвергнуто серьезной критике и пересмотру.

¹¹ Marín López, 2000, с. 663.

¹² Cortés Peña, 2004, с. 45.

религиозное и политическое единство в ущерб религиозному многообразию, иудаизм и ислам должны были исчезнуть¹³. Религиозная конфронтация усилилась в Испании, которая, будучи самой терпимой христианской страной в средние века, в XV веке стала самой фанатично нетерпимой¹⁴. Иберия раннего Нового времени стала обществом, характеризующимся насаждением единой религии¹⁵. Испания трех религий подошла к концу¹⁶. Таким образом, был сделан последний шаг в преобразовании – с этнорелигиозной точки зрения – плюралистического общества, существовавшего на полуострове в средние века, в общество, в котором господствовала единая религия¹⁷. Таким образом, все это сначала в Кастилии, а позже и в других владениях монархии, ранее, чем на территориях остальной Европы - привело к инициированию процесса отвержения «другого» — в данном случае отождествленного с исламом, явление, которое имело такие трагические последствия в истории Европы Нового времени¹⁸. Мориски представлялись Короне как нечто чужое и инородное в теле христианского государства, и чтобы ощутить целостность государства, необходимо было устранить этот инородный элемент. Они были явным свидетельством «инаковости», которую было решено отвергнуть. Территория могла стать по-настоящему христианской только после изгнания тех, кто одним своим присутствием заставлял помнить о том, что предпочиталось забыть. Было решено раз и навсегда от них избавиться: в 1609 году тысячи людей были отправлены в изгнание, навсегда попрощавшись со своей родиной.

Дальнейшая риторика католического государства и церкви не оставляла места для объективного понимания и оценки истории, служа благодатной почвой для формирования стереотипного мышления и исламофобии; таким образом подлинная история была предана забвению, а на смену ей была внедрена конструкция, которая не только не отражала объективную реальность прошлого, но и проецировала искажения на настоящее, распространяя непонимание, невежество, ошибочные представления и стереотипы, которые продолжают влиять на многих и по сей день.

Тем не менее сценарий этот был подвергнут критике еще в прошлом веке: многочисленные усилия ученых, общественных и даже политических деятелей, подкрепленные научными исследованиями и достижениями, имели свой результат. Насчитывавшая века совместная история мусульман и христиан на Пиренейском полуострове, загнанная в дальние уголки памяти, затерянная во мраке отрицания, покрытая

¹³ Wiegers, c. 520.

¹⁴ Lea, 2001, c. 93.

¹⁵ García-Arenal, Rodríguez Mediano, 2013, c. 2.

¹⁶ Vincent, 1992, c. 9.

¹⁷ García-Arenal, Rodríguez Mediano, 2013, c. 3.

¹⁸ Cortés Peña, 2004, c. 33.

пылью векового игнорирования, наконец, сошла с черно-белого негатива и показала свои подлинные краски. В настоящее время также получила развитие критика, направленная на развенчание мифа об историческом противостоянии – Реконкисте. Таким образом, сегодняшнее положение дел отличается от прошлого: академические, научные, культурные организации на государственном, образовательном, общественном уровнях активно продвигают идею необходимости объективного взгляда на историю, для чего многочисленные усилия направлены на научно-исследовательскую деятельность, образование, культурно-просветительские программы и мероприятия. Действительно в наши дни для многих испанцев мусульманский период – это та часть истории, которой многие гордятся; «это большая удача, что в нашей истории существовал этот период» - говорит современный испанский ученый. Многие ученые выступают в защиту понятия *конвивенсии* - спорной концепции, предложенной историком Америко Кастро¹⁹: и пусть даже она является мифом, факт остается фактом, - средневековое общество, как на мусульманских, так и на христианских территориях, являло собой сосуществование со всеми его отрицательными и положительными характеристиками, в отличие от Нового времени, которое стремилось положить конец любым проявлениям инаковости. Эмилио Гонсалес Феррин, профессор Севильского университета, автор многочисленных монографий, исламовед, высказывается в поддержку тезиса Америко Кастро: «ал-Андалус - это *конвивенсия* (сосуществование). Почему сегодня этот термин вызывает отрицание? Да действительно, в английском языке это слово носит сугубо положительные коннотации, но в испанском этот термин нейтрален. Мы все вместе сосуществуем, это не значит, что мы все должны мыслить одинаково. В ал-Андалусе *конвивенсия* прежде всего осуществлялась на уровне индивидуумов. Моисей Маймонид писал на арабском и подписывался Муса ал-Андалуси. Вот что такое смысл ал-Андалуса»²⁰. Энрике Сория, профессор из Кордовы, говорит в интервью: «Я верю в сосуществование трех культур. Это парадигма, это бренд. Сосуществование не означает, что конфликта нет, но эта Кордова и эта Испания иудеев, мавров и христиан - реальна, дело не в том, что у меня есть документальные свидетельства, которых нет у других, дело в интерпретации. Я против видения, которое это отрицает. Что значит отрицать это? Многие историки делают это потому, что не осознают этого. Никто не говорит, что Кордова X, IX, VIII или XVI веков была раем, но разве это наше общество сегодня рай? По сравнению с остальным миром того времени это действительно был рай, в

¹⁹ О концепции *конвивенсия* подробно пишет Эдуардо Мансано Морено в статье *Qurtuba: Some Critical Considerations of the Caliphate of Cordoba and the Myth of Convivencia*//Reflections on Qurtuba in the 21st Century, ed. Javier Rosón, Madrid: Casa Árabe, 2013, pp. 111-132.

²⁰ Ciclo "Diálogos sobre sociedades abiertas": 1. El pilar árabe de la cultura europea (Casa Árabe y el Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación) <https://www.youtube.com/watch?v=RZkZ4Oc8mdc>

остальной Европе жизнь иудеев была сопряжена со значительными трудностями, даже в XX веке. Тот, кто отрицает феномен *конвивенсии* – тот пытается не допустить наступления будущего, которое является мультикультурным или плюралистичным»²¹.

Интересно проследить за отношением испанцев к этой неоднозначности и к самому факту длительного игнорирования и отрицания; что же современные испанцы думают об истории и о прошлом своей страны, что сейчас в этом отношении чувствуют, смогли ли они, наконец, инкорпорировать как саму историю, так и эти мысли-представления-размышления-о прошлом, которые достались им в наследство от предыдущих эпох, может ли современный испанец признать саму идею отвержения Другого и присвоить ее как часть истории своего народа. Что он будет чувствовать в отношении этого, ведь «восстановление» фактов требовало «вспомнить» то, что старались предать забвению поколение за поколением. Обращаясь к словам наших респондентов, мы попробуем разглядеть то, что проступает четко, и то, что остается менее явным, что представляется видимым, а что остается сокрытым от посторонних, а возможно и от самих себя. Сможем ли мы услышать в их ответах принятие, сможем ли увидеть тот непростой и долгий путь; какие слова могут помочь нам это понять и выявить? Мы увидим, что сами испанцы принимают активное участие в восстановлении прошлого из руин: разбирая завалы памяти и очищая слой за слоем наслоения предубеждений, они участвуют в возвращении прошлого всем его участникам; и это является их долгом не только по отношению к Другому, но в первую очередь по отношению к самим себе.

Интересно будет привести в этом отношении слова профессора и общественного деятеля Антонио Мануэля Родригеса из упомянутого художественно-документального фильма «Ключи памяти»: «Что можно отрезать от человека, чтобы он перестал быть собой? Палец? Руку? Ногу? Сердцу? Орган тела? Какой? Единственная часть, которую можно отнять у человека, чтобы помешать ему быть собой, — это память. Глядя на себя в зеркало и не узнавая тебя. Страдающий болезнью Альцгеймера, которого все узнают, перестает быть тем, кем он является, когда не может узнать себя в зеркале. И это то, что происходит с человеком, это то, что происходит с народом. Есть народ, который смотрит на себя в зеркало и не узнает себя. Хотя все его узнают. Андалусия именно такая. Она узнаваема всеми. Поскольку ее сенсорная память уникальна. И тем не менее они не узнают себя в зеркале. Но это не значит, что они потеряны. Это ключ. У меня левая рука с пятью пальцами, что напоминает мне, что на руках пять пальцев. И, поверьте, несмотря на ампутацию, моя правая рука то и дело будет ощущать пальцы, как призрачный нерв. И хотя

²¹ Enrique Soria: “Yo sí creo en la convivencia de las tres culturas”// Cordopolis. https://cordopolis.eldiario.es/n-b/enrique-soria-si-creo-convivencia-tres-culturas_1_7014124.html

мы были уничтожены, и, несмотря на попытку разрушить наши камни, попытку изгнать наших предков и сжечь наши тексты на площади Биб-Рамбла в Гранаде, несмотря на попытку уничтожить наши доказательства, несмотря на попытку ампутировать нашу память... Еще пульсирует наша память, которая сохраняется в нашем сердце, в нашей сенсорной памяти, в том, что мы говорим, в том, что мы обоняем, в том, что мы слышим... Это доказательство того, что мы есть. И там это написано»²².

Чем же видят мусульмане века исламского присутствия на Пиренейском полуострове? Это представляется очевидным для нас заранее, еще не обращаясь к ответам респондентов-мусульман. Для мусульман ал-Андалус - это символ их бывшего величия, «славного прошлого», но в то же время и воспоминание о том, каким был для них финал той «истории», это постоянное напоминание об отсутствии единства в лагере мусульман, это трагедия поражения (окончательный переход власти к христианам в 1492 г.), ужас насильного обращения в католицизм, маргинализация (история после 1492, мориски), а затем изгнание. Именно это мы слышим в ответе нашей респондентки из Тетуана, предки которой некогда покинули Гранаду: она рассказывает, что, находясь в Альгамбре, «я чувствую, что я сама – это тот, кого отсюда изгнали»²³... (жен., мус., 1-я группа, Тетуан/Марокко).

Следуя за ответами респондентов, мы могли увидеть, что многие наши ожидания оправдались, и убедиться в том, что некоторые предположения остались не востребованными; вероятно, те темы, которые остались незатронутыми в ответах, могут появиться в случае привлечения большего количества респондентов.

Далее мы попробуем выделить несколько конкретных тем, которые звучат в ответах наших респондентов. Этими темами будут следующие:

Впечатление от формы объекта

Как мы уже упоминали во введении, изображение девиза династии Насридов встречается в пространстве города Гранада повсюду, и в самом большом количестве оно представлено в Альгамбре, дворцовом комплексе эмиров династии. В течение дня человек может увидеть это изображение многократно: это могут быть не только аутентичные экземпляры, но и реплики, которые продаются в магазине музея, в сувенирных лавках, в книжных магазинах, в картинных галереях, надпись эта украшает стены ресторанов и кафе, а также изображается на футболках для туристов и даже присутствует на плакатах и

²² Небольшой отрывок из фильма «Ключи памяти»: <https://youtu.be/zeUEQWhLgtg?si=XZLslzR6RTplN6qr>

²³ Из случайного разговора во время знакомства с ней, еще до проведения опроса.

знаменах, которые вместе с флагом свободной Андалусии можно приобрести, например, в центре Бласа Инфанте²⁴ и других соответствующих пунктах.

Обратимся к ответам наших респондентов, чтобы понять, какое впечатление на них производит внешняя форма объекта, как они ее воспринимают, и что она им говорит. «Я отношу это изображение к **исламскому художественному декорированию архитектурных элементов**. Я **восхищаюсь** этим декоративным украшением. Мне кажется, это образец **сложного ремесленного искусства**. Глядя на это изображение, можно говорить об **арабской каллиграфии**, о **репрезентации власти**, о **мастерстве**, о декоративных и конструктивных техниках; это изображение рассказывает о тех, кто создавал эти декоративные элементы, и о мастерах, которые их изготавливали» - говорит нам респондентка из Мурсии (жен., христ., 1-я группа, Мурсия (Андалусия)). Другой респондент сообщает нам: «Я привык постоянно видеть это изображение, я думаю, что это очень **интересная форма каллиграфии**, для меня это **художественная форма выражения**, это рисунок, это **логотип**; изображение связано с Альгамброй, с дворцами Альгамбры и с **красотой** этих дворцов... поэтому в нем выражено очень богатое и очень развитое **эстетическое** чувство... оно являлось своего рода **брэндом красоты**» (муж., христ., 1-я группа, Гранада/Испания). Оба респондента указывают в первую очередь на художественные особенности объекта, которые не остаются незамеченными для их эстетического восприятия, на мастерство, с которым этот и подобные ему объекты были изготовлены, а так же упоминают, чем являлось это изображение – а именно «логотипом» и «репрезентацией власти» эмиров в их дворце Альгамбра, о непосредственной связи нашего объекта с которой говорит нам другая респондентка: «Это изображение является **символом Альгамбры** и постоянно **повторяется** в искусстве и памятных сувенирах Гранады» (жен., мус., 2-я группа, Гранада/Испания). Респондент сирийского происхождения задумывается о труде мастеров: «Когда я смотрю на эту картину, я думаю о том, сколько **труда** было вложено в эти выгравированные узоры» (муж., мус., 2-я группа, Гранада/Сирия). Респондент из контрольной группы высказывается следующим образом: «Когда я смотрю на это изображение, я думаю об **уникальном и несравненном культурном наследии** мусульманского периода на Пиренейском полуострове. Изображение также демонстрирует **красоту** мосарабского²⁵ письма с его **изящными и гармоничными** линиями» (муж., христ., 1-я группа, Каталония).

Для участника опроса из Палестины, изображение передает «**утонченность** красоты, **восприимчивость** художника», респондент обращает внимание на то, что это

²⁴ https://en.wikipedia.org/wiki/Blas_Infante

²⁵ Обратим внимание на термин (мосарабский, а не арабский!), который респондент использует в своем ответе.

«изображение, которое **обращается ко внутреннему миру** (*tuḫātib vidjdān*)» (муж., мус., 2-я группа, Кордова/Палестина). Таким образом внешняя форма призывает нас и наших респондентов задуматься о внутреннем содержании объекта.

История

История представляет собой ряд имевших место во времени и пространстве фактов. В присутствии человека объективные факты приобретают субъективную окраску: история (или историческое предание) отражена в самом человеке, является его неотъемлемой частью, а исторический нарратив служит тем фактором, который влияет на идентичность человека и группы людей, формулирует ее и формирует.

Период мусульманского присутствия на Пиренейском полуострове продолжительностью составляет более восьми столетий (711-1492 гг.), это период, который, как было упомянуто выше, испанцам-христианам долгое время было непросто принять как часть их собственной истории. Но, если бы мы не были осведомлены о том, что происходило в умах людей до недавних времен, рассматриваемые нами ответы предоставили бы нам лишь объективную констатацию исторического факта, в которой мы не отмечаем никакой негативной окраски²⁶. Мы не находим никакого явного следа того, что могли бы назвать стереотипным мышлением, не встречаем мы и каких-либо высказываний, которые можно бы было отнести к проявлениям дискриминации или исламофобии.

Приведем несколько примеров высказываний испанцев-христиан в этом отношении. Для респондентки из Мурсии «изображение связано с **историческим периодом** ал-Андалуса на Пиренейском полуострове; это художественное **воплощение исторического периода**» (жен., христ., 1-я группа, Мурсия, Испания). В связи с изображением у респондентки-мусульманки из Гранады возникает конкретная ассоциация: «Это изображение **переносит** меня в Альгамбру, для меня оно означает **символ Альгамбры**» (жен., мус., 2-я группа, Гранада/Испания). Участник опроса, также проживающий в Гранаде, обозначает прямую связь изображения с Альгамброй и правившей эмиратом династией:

Для меня изображение означает династию **гранадской семьи правителей**, правившей в Гранаде. Взгляд обращается в **прошлое**, на эту семью и ее **герб**, на очень **конкретный период времени**, связанный с Альгамброй... поэтому для меня оно действительно всегда **напрямую** связано с идеей Альгамбры...

²⁶ Вероятно, ввиду того, что респонденты-христиане представляют собой образованный слой населения, и происходят из городских жителей Андалусии (поскольку есть свидетельства о распространенности предубеждений в отношении мусульман в отдаленных сельских и горных районах провинции).

Я смотрю на него и понимаю, что именно **Альгамбра** говорит здесь... (муж., христ., 1-я группа, Гранада/Испания).

Однако, заглядывая за высказанное явно, в ответе одного из респондентов мы все-таки можем услышать сетование на недостаточность изученности и понимания той эпохи (и это учитывая, сколько всего сделано и делается на разных уровнях для этого), в его словах мы слышим даже некий укор, направленный на то, каким некогда было отношение к этому вопросу: «эпоха, которая, конечно, **недостаточно понята**» (муж., христ., 1-я группа, Гранада/Испания). Это можно было бы объяснить личной заинтересованностью и личным отношением респондента к предмету. Однако, учитывая тенденции Андалусии и всю риторику, на которой сегодня зиждется противостояние Юга Северу в Испании, мы можем подтвердить, что таковым является мнение многих андалусцев (многочисленные пикеты и демонстрации тому подтверждение)²⁷. В целом же можно сказать, что для наших участников опроса из числа испанцев-христиан прошлое являет собой заверченный исторический факт, признанный и принятый.

Респондент из Сеуты, сообщает нам, что изображение связано для него с «королевством **бану ал-Ахмар**, его историей и дворцом **Альгамбра**» - и добавляет, что видит в нем «**краткое содержание** романа-трилогии «Гранада»²⁸ и «Лев Африканский»²⁹ (муж., мус., 1-я группа, Гранада-Сеута).

В то же время ответы большинства мусульман арабского происхождения отличаются большой контрастностью. История – для них это не просто факт, который имел место в прошлом, для них история имеет отношение к настоящему, является не столько свершившимся фактом, сколько *со-бытием*, которое продолжает иметь место и в наши дни: для них история продолжает существовать сегодня, и существует ярко и заметно, она не завершилась во времени, а продолжает влиять на настоящее и определять будущее. Почему так происходит? Одним из возможных вариантов объяснения этому может стать следующий ответ: потому что ей не дают завершиться бесконечные размышления на тему «почему так произошло»... В свою очередь однозначного ответа на вопрос «почему так произошло» не существует, так же как не существует возможности обратить время вспять. Поэтому история в ответах мусульман конструируется субъективно, в отношении к ней мы находим однозначность, ее оценки и описания всегда будут яркими и контрастными. В ответах респондентов мусульман четко представлены нарративы пика могущества и краха.

²⁷ В цели работы не входило описывать подробно политические аспекты.

²⁸ Радва Ашур.

²⁹ Амин Маалуф.

В ответах христиан мы не наблюдаем такого. Расцвет цивилизации ал-Андалуса и ее упадок, которые упоминают респонденты-мусульмане, представляют собой противоположности: здесь мы констатируем контрастность ответов, респонденты делают акцент на схожести исторического процесса и человеческой жизни, отмечая переменчивость и превратности судьбы, в их ответах мы видим отчаяние, но, с другой стороны, и уверенность в том, что надежде все еще может быть место. Таким образом мы замечаем в ответах мусульман то, что, несмотря на видимую и явную контрастность, они не имеют в себе внутреннего конфликта, ведь эти понятия друг другу не противоречат, а являются оборотными сторонами друг друга; они уживаются в одном человеке, помогая ему, когда он сталкивается с превратностями судьбы (об этом будет далее подробнее).

Трагедия и драма

Из поколения в поколение передается «коллективная травма»³⁰, отголоски которой мы слышим до сих пор во время разговоров с теми, чьи предки были вынуждены покинуть Гранадский эмират после его поражения и перехода под власть католиков, или впоследствии, когда тысячи морисков были изгнаны из своей родины и переселились на противоположный берег в государства Магриба и другие регионы Средиземноморья. Истории о хранящихся ключах от домов, оставленных за морем, детские игры и песни, устойчивые выражения, которые до сих пор используют потомки андалусских переселенцев, традиции кулинарии, передающиеся из поколения в поколение...³¹ Обо всем этом рассказывают респонденты андалусского происхождения. То прошлое, которого больше нет, в глазах этих людей, в их словах и чувствах похоже на грандиозную **мечту** - мечту, которая обращена не в будущее, но в прошлое. И как в приведенном выше высказывании, это то прошлое, которое было потеряно не только для их предков, но и для них самих, и более того, они сами чувствуют себя теми, кто пережил ту драму. Так, эта травма поколение за поколением сквозь века сохраняется в их памяти, напоминая о себе всякий раз, когда они ступают на землю Андалусии, всякий раз, когда они пересекают

³⁰ López de Coca Castañer, 2005, с. 33. О коллективной травме кратко см. «Историческая память: введение: учебное пособие / Ю.А. Сафронова. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019, Глава 6, в которой объясняется трудность выражения травматического опыта. То же самое имеет в виду М.А. Инан, когда говорит о длительном «молчании исламского нарратива» после 1492 года в работе «Государство ислама в ал-Андалусе...IV» (Каир, 1997, 4-е изд.).

³¹ Так, в качестве примера, респондентка из Марокко привела слова «песни, которую пели дети андалусских переселенцев, и которая остается в памяти людей до сегодняшних дней: “Donde están las llaves? Matarile en el fondo del mar” («Где же ключи? Гибель моя в морских пучинах»))» (жен., мус., 1-я группа, Гранада/Марокко).

пролив, навещающая страну происхождения, всякий раз, когда мелодии полных отчаяния песен фламенко доносятся до их слуха³².

Что мы слышим в словах респондентов андалусского происхождения? Воодушевление, которое заразительно, боль, которая чувствуется, слезы, которые разделяешь – в словах этих людей не столько обиды, в них нет гнева, нет разочарования, но есть сильная ностальгия и тоска - о том, чего сами они и не видели, но то, что сильно в их крови, то, что проникло в них с молоком матери и пронизало все их существо. Мы также не можем сказать, что остальные мусульмане остаются равнодушными к этому, напротив, все мусульмане представляют период ал-Андалуса неким золотым веком ислама. Здесь в словах наших респондентов мы можем уловить контраст чувств: боль и радость, грусть и гордость, и все эти чувства составляют ностальгию – светлое, но грустное переживание. И как замечает один из наших респондентов: «рассказ об ал-Андалусе - это **болезненный** рассказ...» (муж., мус., 1-я группа, Гранада/Марокко).

Наследие: ностальгия, «золотой век» и «потерянный рай»

Все без исключения мусульмане арабского происхождения говорят о ностальгии, кто-то начинает свой ответ сразу с этого слова: «я чувствую **ностальгию** (*ханйн*)», это изображение «напоминает мне об арабском периоде в ал-Андалусе, о **процветании**, о дне, в который **взошло солнце арабов** над Европой»; в этом изображении для респондентки заключены «смыслы **процветания** в ал-Андалусе, науки, искусства и культуры»; она добавляет, что для нее это изображение «связано с **потерянным для нас раем** (*ал-фирдавс ал-мафкӯд*), связано с нашей историей» (жен., мус., 1-я группа, Гранада/Марокко).

Другой житель Гранады так же марокканского происхождения говорит следующее: «Когда смотришь на изображение, твое **воображение возвращается** к **золотым** векам ал-Андалуса, и в нем ты видишь тот **потерянный рай**, в котором жизнь протекала в достатке, **процветали науки**, и **искусства** разнообразные, была установлена **безопасность** и было всеобщим **благоденствие...**» И далее замечает, что для него «изображение связано с ал-Андалусом, с периодом в котором господствовало **знание** (*ма'рифа*), **наука** (*'илм*) и **существование** (*та'ййуш*) религий» (муж., мус., 1-я группа, Гранада/Марокко). Выходец из Сеуты арабского происхождения подытоживает: изображение «несет в себе значение исламского ал-Андалуса и **упадок величия** (*тадахвур 'изз*) мусульман в ал-Андалусе» (муж., мус., 1-я группа, Гранада-Сеута).

³² Само происхождение слова фламенко связывают со словосочетанием «*фаллах манкуб*», в его андалусском варианте «*fellah min gueir ard*» или «*fellah mengü*», - «крестьянин, потерпевший несчастье... лишенный земли». <https://baleatravel.com/amigos-de-balea/el-jondo-desterrado/>

В словах испанца-христианина мы находим отражение объективных исторических фактов, но, учитывая интерес нашего респондента к теме, мы услышим в его словах большое уважение к той эпохе и к ее наследию:

Геральдический знак всегда будет иметь **большое значение**. Я уверен, что этот девиз много раз произносили, скрывали (знамя от врага), вместе с ним сражались, за него боролись, его натягивали, и возвращали (с победой), поэтому, являясь девизом и гербом, он несет на себе значение того **времени** и **смысловую нагрузку**. Я думаю, что он обладает **большой силой и узнаваем** в исламском мире и за его пределами как нечто весьма **значительное** (муж., христ., 1-я группа, Гранада/Испания).

Гордость «славы прошлым»

Даже те, кто не называл это чувство в своих ответах, испытывают его, когда речь заходит о былом величии и славе мусульманской цивилизации на Пиренейском полуострове. Проживающий много лет в Андалусии палестинец говорит: «Я испытываю **гордость** (*фахр*) за это исламское искусство мусульманской цивилизации в ал-Андалусе». Подчеркивая исключительность, которую для него представляет тот период, он добавляет, что изображение «рассказывает о цивилизации, пришедшей с **Востока в сердце Запада**» (муж., мус., 2-я группа, Кордова/Палестина).

Житель Гранады марокканского происхождения замечает: «Когда я вижу это изображение, вспоминаю дворец Альгамбра с его архитектурной **уникального** стиля, его прекрасными садами, и как будто ты находишься в саду из **садов рая**. Оно вызывает во мне прекрасное чувство **гордости** (*фахр*) за тот период, который отличался **развитием и расцветом** в архитектуре и науках, философии и медицине, в искусствах и в астрономии». (муж., мус., 1-я группа, Гранада/Марокко). Респондент сирийского происхождения добавляет: «Это изображение говорит, что мы были **силой и цивилизацией** одновременно..... мы принесли **цивилизацию** в далекие страны... и мы отстаивали **права слабых**» (муж., мус., 2-я группа, Гранада/Сирия).

Потеря в прошлом, надежда в настоящем на будущее

Вопреки тому, что «славное прошлое» некогда было утрачено, мысли о былом могуществе исламской цивилизации помогают человеку стремиться к достижению тех предполагаемых идеалов, служа для него ориентиром и образцом для подражания. Поэтому в ответах мы можем почувствовать надежду на лучшее будущее, ведь то, что было однажды в прошлом, существовало в реальности, а значит не является невозможным его

возрождение. Однако, это уже будет не возвращение былого, ведь, конечно, это невозможно, отсюда упоминание «потерянного рая» и нотки ностальгии в ответах респондентов. Участник опроса из Палестины говорит, что изображение «помогает мне понять прекрасное прошлое, в котором мы **взращивали красоту** в каждой пяди этого мира, и что в настоящем мы имеем **способность созидать** эту красоту **снова**» (муж., мус., 2-я группа, Кордова/Палестина). С другой стороны, мы знаем, что события прошлого во многом были обусловлены отсутствием сплоченности внутри самих мусульман, и это в значительной степени способствовало потере ими власти. Об этом говорит другой наш респондент, отмечая также, что данная тенденция имеет отношение и к настоящему: «Да, это помогает мне осознать большую часть нашей силы и мощи, какой мы были в прошлом, и понять кое-что из настоящего, особенно **разрозненность** наших стран и **отсутствие единства**» (муж., мус., 2-я группа, Гранада/Сирия). По поводу правящих кругов интересную параллель проводит наша респондентка-мусульманка, после принятия ислама переехавшая в Гранаду: «Смысл прошлого, который я нахожу, заключается в **благородстве** тех правителей и понимании нынешней **испорченности** правителей в настоящем» (жен., мус., 2-я группа, Гранада/Испания).

Однако не для всех представляется очевидной связь рассматриваемого изображения с настоящим: «изображение помогает тебе **восстановить** период из прошлого и **постигнуть** его, однако понять настоящее невозможно» через его посредство (муж., мус., 1-я группа, Гранада/Марокко). Так же затрудняется ответить на вопрос **номер 4** мусульманин арабского происхождения из Сеуты: «Не знаю» (муж., мус., 1-я группа, Гранада-Сеута).

Личная связь человека с объектом и местом

Что касается личной связи человека с объектом, мы можем привести в качестве примера высказывания наших респондентов-христиан. Так участницу опроса из Мурсии с изображением «связывают различные **поездки** в Гранаду, которые я совершала на протяжении всей своей жизни, с **детства** и до сегодняшнего дня» (жен., христ., 1-я группа, Мурсия/Испания). Другой респондент, который ввиду своей деятельности много времени проводит в дворцовом комплексе Альгамбра, признается, что уже рассказал множество историй, связанных с этим изображением, и добавляет: «Действительно я с удовольствием **любуюсь** этими дворцами. Но я понимаю, что эта династия, эта семья Насридов – просто еще одна семья королей... И я не боготворю королей ни в какой степени... я не помещаю их в свое сердце, так сказать» (муж., христ., 1-я группа, Гранада/Испания).

Ответ участника опроса из Сеуты на вопрос **номер 6** кратко, но четко обозначит темы нашего дальнейшего разговора: «**арабская мусульманская Гранада**» (муж., мус., 1-я группа, Гранада-Сеута). В ответах респондентов-мусульман мы увидим их персональное отношение и личную связь с местом (как всей территорией, находившейся под управлением мусульман, так и конкретного города, Гранады). Респондентка марокканского происхождения, живущая в Гранаде, сообщает, что это изображение

говорит мне: твои **предки были здесь**... конечно, я вижу и чувствую **связь** с ним, как арабка **андалусского, гранадского**, происхождения... мы **были здесь**, наше **происхождение** – андалусское, арабское... история наших предков... здесь жил народ, говоривший на арабском языке, религией которого был ислам... они жили на протяжении **восьми веков**... в это время они занимались выращиванием фруктов и ввели в употребление рис... они интересовались музыкой, литературой, поэзией, философией, медициной и многими науками... По сей день сохраняются **следы и отпечатки**, которые продолжают проживать жители Андалусии и сегодня. Эти отпечатки - в культуре, в поведении, в манере речи... (жен., мус., 1-я группа, Гранада/Марокко).

Читая слова нашей респондентки, мы можем понять, что наследие мусульманского прошлого живо в испанской Андалусии по сей день: оно напоминает о себе всеми возможными способами. В том, что окружает человека в его повседневной жизни от архитектуры до кулинарии, от народных традиций до местного произношения: повсюду можно увидеть следы и отпечатки того, что присутствовало и было господствующим некогда в прошлом. И все это не осталось там, в глубине веков, но переходило из века в век, передавалось из поколения в поколение, сопровождая местных жителей, пусть и не явно, а в качестве некого фона, таким образом дойдя до наших дней. Так, до сих пор остается видимым и явно заметным то, чего не смогли сокрыть века, проглядывая сквозь наслоения памяти, через заслоны архитектурно-строительных работ и попытки перекроить город для превращения его в католический и кастильский после завоевания эмирата в 1492 году. Поэтому о Гранаде можно сказать, что она представляет собой палимпсест, и никогда не переставала являться таковым. Именно таким образом исследователь А.К. Harris охарактеризовала Гранаду того времени, когда уже прошло значительное время после ее завоевания: «сакральный ландшафт Гранады оставался многослойным, палимпсестом, на котором сразу под новым христианским наслоением часто проглядывала мусульманская

священная территория»³³. Так было после завоевания города, так остается и поныне. К тому же овеянная романтическим ореолом, породившая множество легенд и преданий вокруг себя, питающая воображение писателей и поэтов, Гранада продолжает привлекать к себе внимание многих людей, которые не признают однозначных трактовок. Многие же мусульмане арабского происхождения (и не только) признаются, что всякий раз прогуливаясь по извилистым улочкам Альбайсина³⁴, или сворачивая с проспекта Колумба на главную историческую улицу мусульманской Гранады, улицу Эльвиры, им кажется что вот-вот из-за угла появится перед ними силуэт человека в мусульманских одеждах из далекого прошлого или проскачет мимо них всадник верхом на андалусском скакуне, или ноги сами приведут его туда, где все еще царит время андалусских эмиров Гранады³⁵. Краски на закате солнца приобретают магические оттенки, и кажется, что то ли прошлое подобно таинственному гостю навестило настоящее, закутавшись в плащ полумрака, то ли настоящее не может найти выхода, запутавшись в извилистых улочках прошлого, и как будто само время растаяло в этом пропитанном жасмином и флердоранжем воздухе, остановив свой ход и растворив прошлое-настоящее-будущее, смешав их в едином потоке цельного и неделимого мгновения вечности.

Действительно, неоднозначность города, которая некогда настораживала переселявшихся после завоевания эмирата католиков, его суть, которая пребывает на стыке двух религий, двух культур и даже языков, его склонность и тяготение к мусульманскому наследию создают его неповторимый облик, о котором ученые высказались следующим образом: «Самобытность Гранады заключается в том, что она постоянно находится между христианством и исламом»³⁶.

Идентичность

По словам респондентов, в изображении они видят отражение своей идентичности, и эту идентичность мы можем разбить на несколько составляющих: для мусульман - идентичность человека, как мусульманина (религиозная идентичность), как араба (этническая идентичность), как араба андалусского происхождения (локальная идентичность). Здесь также могут быть и такие варианты: араб, происходящий из Сирии, будет видеть в изображении и арабо-андалусском наследи в целом историю своих предков из аш-Шама, некогда покоривших ал-Андалус, а для арабов из других стран идентичность в этом контексте будет замешана на религиозной, культурной, языковой составляющих;

³³ HARRIS, A. Katie. «Sacred landscape in early modern Granada. Muslim past and Christian present» / Eric Nelson, Jonathan Wright (ed.). Layered Landscapes. Early Modern Religious Space Across Faiths and Cultures. London: Routledge, 2017.

³⁴ Квартал Гранады.

³⁵ В этом контексте интересно упомянуть произведение Исмаила Гаспринского «Французские письма».

³⁶ Cortés Peña, Vincent, 1987, p. 14.

христиане так же увидят свою идентичность в истории региона, в наследии той цивилизации, которая некогда процветала на их территориях. Приведем несколько ответов наших респондентов:

- ✓ это изображение **связано со мной**, моими **корнями** и корнями моих **предков** - это **часть** нашего прошлого... **Исламская** идентичность... (муж., мус., 2-я группа, Гранада/Сирия);
- ✓ **исламская** идентичность... это изображение связано с исламской **доктриной**. Моя связь с изображением основывается на моей вере в эту исламскую доктрину (муж., мус., 2-я группа, Кордова/Палестина);
- ✓ моя идентичность проявляется в **религиозном** отношении, в моей вере, что победа принадлежит одному Аллаху (муж., мус., 1-я группа, Гранада/Марокко);
- ✓ конечно, я вижу и чувствую связь с ним, как арабка **андалусского, гранадского**, происхождения... мы были здесь, наше **происхождение** – андалусское, арабское... в **арабском письме** проявляется моя идентичность и в **словах Всевышнего Аллаха**, написанных на изображении (жен., мус., 1-я группа, Гранада/Марокко);
- ✓ связано с моими **андалусскими предками**... **андалусская идентичность**... (муж., мус., 1-я группа, Гранада-Сеута).

В ответах мы находим четкое упоминание «андалусского происхождения», «гранадского происхождения», а также словосочетание «андалусская идентичность». Эти понятия мы находим в ответах респондентов, чьи предки происходят из Гранадского эмирата, которые были вынуждены покинуть свою родину в связи с произошедшими событиями. Что значит быть арабом андалусского, гранадского происхождения? Это значит проносить сквозь времена память о прошлом, трудную историю предков, которые однажды оставили родные края, свои дома и привычную жизнь, переселившись на противоположный берег. Их называли *ал-андалусиййун*, в том числе и тех, кто переселился в страны Магриба уже в качестве морисков при их массовом выселении в 1609 году, продолжают называть их так и поныне. Что такое андалусская идентичность? Если задать этот вопрос, то можно представить, что он пробудит в потомках *ал-андалусиййун*, и вообразить, что будет в их ответе на этот вопрос исследователя. Андалусская идентичность представляется многозначным термином сегодня. Ал-Андалус – это страна, которой сегодня не существует, но в исторической памяти людей хранятся те восемь веков присутствия мусульман на Пиренейском полуострове, та красивая история сосуществования трех культур и процветания наук и искусств, то, что для многих представляется идеалом, который сегодня вряд ли достигим, и потерянным раем, который невозможно забыть.

В ответе принявшей ислам респондентки из Испании ракурс смещается в сторону духовных и нравственных идеалов, что заставляет нас задуматься о ее восприятии исламского периода истории ее страны, мусульманского наследия и даже династии эмиров как некоего эталона³⁷, к которому должна стремиться личность на пути нравственного совершенствования: «Моя личность проявляется в отождествлении себя с этой **благородной** личностью».

Приведем также здесь ответы испанцев-христиан, которые дадут нам представление о том, какое значение имеют для них восемь веков истории:

- ✓ «Я считаю, что мы являемся **наследниками** исламского и андалусского **наследия** Пиренейского полуострова» (жен., христ., 1-я группа, Мурсия/Испания);
- ✓ «Я не знаю, до какой степени моя идентичность отражается в этом изображении... Да, я чувствую **близость** (proximidad), даже если это не мой язык, не моя религия, они априори не близки, но я чувствую **близость** (cercanía), я чувствую ее как **мою собственную** (la siento como mía)» (муж., христ., 1-я группа, Гранада/Испания).

Философское измерение

Жизнь - отражение истории, а история – отражение жизни. В ответах респондентов нам открывается философское измерение понимания как исторического процесса, так и самой человеческой жизни, и наши респонденты ставят знак равенства между ними... Здесь мы непременно вспоминаем Ибн Халдуна и его циклы развития цивилизаций, так же как участник опроса из Палестины, который говорит: «Жизнь - это победитель и побежденный..., а цикл цивилизации, как о нем говорит Ибн Халдун, в нем «побежденный следует за победителем»..., мы побеждаем и терпим поражение, но «нет победителя, кроме Аллаха» (муж., мус., 2-я группа, Кордова/Палестина).

Марроканец, проживающий в Гранаде сообщает: «рассказ, который несет в себе (это изображение) – это история ал-Андалуса, более восьми столетий исламской истории... и этот период не является чем-то незначительным... рассказ об ал-Андалусе - это **болезненный** рассказ, потому что он повествует об истории и **блестящей славе**, но эта слава в реальности уже завершилась и **была потеряна**... И человеку не избежать

³⁷ В этой связи напомним о том, что эмиры династии Насридов являлись потомками ансаров, об этом никогда не забывали, их благородное происхождение было воспето в стихах, например стихотворение Ибн Замрака, выгравированное на чаше фонтана львов в Альгамбре.

постижения этой **отнятой славы** и этой богатой истории для познания того, каким образом достигает слава **полноты** и как она **теряется...**» (муж., мус., 1-я группа, Гранада/Марокко).

Ответ респондента из Сирии передает нам схожие мысли: «Это изображение рассказывает о том, что **ни сила не длится вечно**, ни **слабость не остается навсегда**» (муж., мус., 2-я группа, Гранада/Сирия).

Наша респондентка из Марокко говорит следующее: «Разумеется, постижение прошлого и понимание настоящего, поскольку **ничто не остается прежним...** и что все цивилизации в этом мире, какими бы ни были великими, **не вечны**; там, как и в жизни, есть **трудности и разочарования**». И добавляет: «Здесь я хотела бы процитировать стихи Абу-л-Бака ар-Рунди о падении ал-Андалуса:

Все что завершилось в мире, не минует разрушенья,
Пусть же нас не ослепляют счастья сладкие мгновенья!

Видишь - и дела и судьбы переменчивы и зыбки,
Злом и местью обернутся жизни краткие улыбки,

Что осталось неизменным в этом ветхом мирозданье?

Все живущее на свете время облагает данью...³⁸»

(жен., мус., 1-я группа, Гранада/Марокко).

Религиозное измерение

Здесь мы подходим непосредственно к отражению религиозного измерения. Респондент христианин высказывается следующим образом на эту тему: «Изображение многое говорит в отношении династии Насридов... о преданности Богу...» - и далее добавляет: «оно означает, что только Бог является победителем, хотя это не обязательно может быть именно исламским, это может быть **любая религия**, которая может сказать точно так же - только Бог является победителем - и это даже не кораническое – вот что говорится точно: «Нет победителя, кроме Бога». Мне нравится это!» (муж., христ., 1-я группа, Гранада/Испания).

Наш респондент-мусульманин марокканского происхождения отмечает: «Это изображение несет в себе два смысла (*ма'нātāни*) – в нем проявлено то, что **победа** принадлежит одному Аллаху, и то, что человек **слаб** (в подчиненном положении, несамостоятелен - *инсāн мағлӯб 'алā амрихи*)...», далее приводя историческую информацию, о том, что это изображение «использовали Альмохады в качестве их девиза,

³⁸ Перевод Б.Я. Шидфар.

который был их знаменем в войнах, при победе Йакуба ал-Мансура (при Аларкосе, 1195 год)» (муж., мус., 1-я группа, Гранада/Марокко).

Выходец из Сирии говорит нам: «это изображения и его значения говорят мне о том, что **наша сила приходит от силы Аллаха** (*кувват Аллāх*), и **ничего не зависит от нас** самих (*лайса фй амрина шай*)» (муж., мус., 2-я группа, Гранада/Сирия).

Здесь мы можем сделать следующий вывод. Воздействие объекта нашего исследования на человека имеет несколько направлений: во-первых, это визуальное воздействие самого изображения, с другой стороны, мы не можем снять со счетов аудиальное воздействие содержания, поскольку каждый раз, когда человек (мусульманин и араб) видит это изображение, он прочитывает про себя или вслух эту фразу. Таким образом, он слышит ее или представляет в своем воображении ее звучание, а значит содержание и ее смысл оказывают на него свое в том числе аудиальное воздействие. И здесь мы можем с точностью сказать, что в этот момент для мусульман историческая коннотация этого изображения отходит на второй план, а на первом выделяется именно религиозное измерение, превращая объект в манифестацию трансцендентных смыслов.

Исследовательница исламского искусства Валери Гонсалес наряду с другими экспертами сообщает о том, что многократным повторением этой формулы-надписи на стенах Альгамбры создается непрерывное повторение слов «Нет победителя, кроме Аллаха», что таким образом представляет собой *зикр*: пространство пульсирует, произнося эту формулу языком визуального воплощения, многократно повторяющимся эхом доносится она до человека, раздаваясь в его аудиальном воображении, отражаясь в нем - на его языке, в его уме и его сердце. Происходит подобие *зикра*: *зикр* пространства, *зикр* человека и *зикр* человека в пространстве. Таким образом, мы отмечаем двойной эффект: визуально-аудиальный эффект объекта на человека оказывается достигнут, он видит-слышит-произносит эти слова; а эти слова и их смысл в свою очередь затем сами влияют на человека, безусловно, оказывая соответствующий эффект, подобный тому, какой оказывает на человека *зикр*. Поэтому мы отметим психологическое воздействие формулы «Нет победителя, кроме Аллаха» на человека: она помогает ему в моменты трудностей, с которыми он сталкивается, успокаивает его в дни печали и тягот, вселяет в него надежду на лучшее, констатируя порядок, заведенный Творцом, и подсказывает, что победа принадлежит одному Аллаху:

Справедливость Аллаха всегда возвращает все на свои места. И когда я читаю на стенах Альгамбры: «Нет победителя, кроме Аллаха», я осознаю вечную **справедливость небес** в распространении добра на этой благой земле, и то, что зло неизбежно будет **побеждено**, каким бы могущественным

и деспотичным оно ни было, даже спустя какое-то время. И когда свет из окон Альгамбры проникает в ее полутемные залы, я всегда вспоминаю о **свете неба и земли**, который **освещает** тьму внутри нас... (муж., мус., 2-я группа, Кордова/Палестина).

Таким образом мы можем обозначить содержание объекта как формулу зикра, который сам по себе является одной из копинг-стратегий: ведь только благодаря «поминанию-зикр Аллаха успокаиваются сердца»³⁹.

Нравственная составляющая

В продолжении предыдущей темы наша респондентка привносит в свой ответ нравственную и духовную составляющую: «Стены Альгамбры полны текстов, напоминающих нам о том, что **власть принадлежит Аллаху**, о необходимости всегда **помнить** об этом, а также о **достойных качествах**, которыми должен обладать человек. Кроме того, все это выполнено и окружено великой красотой архитектуры». Вероятно, она много времени уделяет размышлениям на эти темы, поскольку далее в ее ответе звучит тема подчинения Богу, покорности ему и стремлению осознать и побеждать желания эго:

Это изображение говорит о том, что правители Альгамбры были заинтересованы в том, чтобы оставить на стенах здания **напоминание** о том, кому принадлежала власть над их победами. Для меня это означает, что правители **боялись**, что их эго сделает их чрезмерно властолюбивыми. Для меня это изображение связано с **духовным величием** правителей. Оно может служить для меня **духовной моделью** (жен., мус., 2-я группа, Гранада/Испания).

Мы не можем знать доподлинно, как именно воздействовало это изображение на тех людей, кто жил в стенах Альгамбры в те далекие времена, но одно нам точно известно: они были истинными носителями исламской культуры и арабского языка. «Насриды, видевшие, что ал-Андалус подходит к своему неизбежному финалу, прилагали все усилия, чтобы придерживаться своего арабского происхождения и ислама...»⁴⁰. Гранадский эмират представлял собой квинтэссенцию арабского языка и исламского вероучения: в процессе культурной фильтрации и концентрации с годами те, кто желал жить чисто исламской жизнью, выражать себя на арабском языке и быть приверженцем исламской, а не

³⁹ Коран, 13:28.

⁴⁰ Beauty and Islamic Theology. Episode nine: Aesthetics in Arabic Thought with Professor José Miguel Puerta Vilchez. <https://www.youtube.com/watch?v=GU3pmlNHQLE>

европейской культуры, уходили жить в королевство Гранада... сила арабского языка там до самого конца действительно поразительна⁴¹.

Узнать Другого, найти себя

Наряду со многими другими памятниками девиз династии Насридов указывает на период присутствия мусульман на Пиренейском полуострове и на ту власть, которой они обладали. Являясь художественно-эстетическим выражением высокой культуры, он одновременно несет в себе религиозную составляющую, и содержит все те аспекты (религия, власть, язык, культура и др.), которые однажды было решено искоренить. В этом изображении запечатлено то прошлое, которое католические власти и духовенство долгое время отвергали. Но изгнание Другого и стремление предать забвению сам факт его существования не помогли стереть из памяти прошлое, которое, в соответствии с идеологией, было признано греховным и неверным⁴². Однако это прошлое невозможно было вырвать с корнем и уничтожить полностью, оно постоянно давало о себе знать и продолжало оказывать влияние на самих испанцев, многие из которых понимали, что без постижения тайн прошлого, замалчивая, отвергая и отрицая его, они лишают себя возможности полноценного признания самих себя в настоящем. Отвергая Другого, они тем самым отвергают самих себя, ведь этот Другой – часть их самих и их истории, и не желая видеть Другого, избегая и отворачиваясь от него, они отказывают самим себе в обретении полноценности.

На сегодняшний день все обстоит совсем иначе, период мусульманского присутствия для большинства испанцев – это значимая и важная часть истории, в которой есть место для Другого. Признание и принятие Другого дает возможность вернуть те утраченные части самого себя, которые некогда были отвергнуты. Именно об этом шла речь в процитированном выше разговоре Антонио Мануэля Родригеса.

Обратимся к словам наших респондентов:

Конечно, это очень помогло мне **понять** прошлое не только Гранады, но и Андалусии, и таким же образом Испании, и понять, что в другие времена люди говорили на **другом** языке, на арабском, то, как здесь написано, и, конечно, это относится к **другой** религии... Это правда, что это изображение связано с Альгамброй, а Альгамбра связана с периодом нашего прошлого, который, конечно, не достаточно хорошо понят (*una época ciertamente no*

⁴¹ Harvey, 1990, сс. 14-15.

⁴² Такими характеристиками (грешная, изменница и т.д.) наделялся город Гранада во время проповедей, в частности читавшихся ежегодно по случаю празднования завоевания города 2 января.

demaciado entendida), поэтому мне приятно понимать этот период гораздо лучше через это изображение, этот период, к которому оно относится. Я гораздо лучше понимаю, что произошло в Испании, то есть для меня это как будто увидеть на негативе то, что обычно рассказывают о том, что произошло в Испании, увидеть это **сблиз** (муж., христ., 1-я группа, Гранада/Испания).

Респондент из контрольной группы высказался следующим образом:

Мусульманский период на Пиренейском полуострове оставил **заметный след** в политическом и культурном развитии, став частью **идиосинкразии** народов Пиренейского полуострова, места прохождения **бесчисленных** цивилизаций с самых отдаленных времен. Таким образом, я понимаю, что **любое проявление** культурного и исторического наследия нашей страны дает нам возможность **понять самих себя и человека** как представителя народа или нации (муж., христ., 1-я группа, Каталония).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проделанном нами исследовании мы попытались понять, чем является для современного жителя Андалусии девиз династии Насридов, и определить, к чему человек устремляет свои мысли при взгляде на это изображение. Просмотр изображения и ответ на сформулированные вопросы побудил респондентов задуматься о том, что для них символизирует этот объект, нам же было интересно узнать, какими характеристиками наделяют его как мусульмане, так и немусульмане. Важно сразу отметить, что, даже если бы этот опрос оставался анонимным, можно было легко сделать вывод о том, кем в религиозном отношении являются наши респонденты. Это значит, что данное изображение является своего рода лакмусовой бумагой, которая проявляет что-то в человеке, таким образом разделяя людей на группы по принципу религиозных или иных убеждений и выявляя принадлежность к определенной религии. Таким образом, в ходе исследования мы могли обнаружить, что то, о чем говорит сегодняшнему жителю Испании девиз династии Насридов «Нет победителя, кроме Аллаха!» главным образом зависит от происхождения человека и его вероисповедания.

Основываясь на ответах наших респондентов-христиан, мы пришли к выводу, что для них этот объект связан с историей и прошлым: испанцы в большинстве своем воспринимают изображение тем - чем оно является – девизом династии. Для них он в первую очередь связан с династией Насридов, с их дворцом Альгамброй, является свидетельством эпохи и фактом истории. Для мусульман же он представляется связанным

не только с прошлым, но и с настоящим, и служит для них воспоминанием о «потерянном рае» и напоминанием о разрозненности уммы.

Как для христиан, так и для мусульман, объект нашего исследования является напоминанием об историческом периоде длиной в восемь веков, однако для мусульман размышления о нем будут построены на контрасте и окрашены в ностальгические краски: с одной стороны мы видим в их ответах неминуемость и неизбежность случившегося, с другой стороны - надежду на возможность перемены к лучшему, которую можно достигнуть, приложив определенное усилие и искренне поверив в это.

Мы можем сделать вывод о том, что из поколения в поколения мусульмане подвержены воздействию мета-нарратива. И кажется, что этот нарратив не трансформируется, а является статичным и не подверженным изменениям, неподвластным воздействию внешних факторов: ни смене эпох, ни изменению политических и экономических ситуаций, ни событий индивидуальной истории человека⁴³. Для арабов-мусульман тоска и ностальгия смешивается с гордостью и надеждой, в изображении заключены все их чаяния и надежды, разочарования и печали, история и ее круговорот, обещания возможного будущего и отчаяние от потери прошлого, неминуемости, необратимости, невозможности вернуть утраченное...

Обращаясь к разуму и чувствам, этот символ заставляет респондентов высказывать как объективные суждения, так и субъективные мнения. Человек видит в объекте отражение исторических событий, которые представители различных религий будут трактовать по-своему: если для наших респондентов испанцев-христиан история остается в прошлом в виде фактов и событий, то для мусульман последствия тех событий актуальны и по сей день. Мы могли бы сказать, что для испанцев этот объект окрашен нейтрально, однако все наши респонденты имеют представление о том, какой путь был проделан ради преодоления однозначно негативного отношения к мусульманскому периоду истории, и поэтому в их словах мы могли заметить упоминания и об этом. Ответы испанцев создают впечатление отсутствия яркой эмоциональной окраски, к вопросу они скорее подходят объективно, нежели субъективно, за редким исключением. Для мусульман же объект является эмоционально нагруженным, ярко окрашенным, и никогда не остается нейтральным, в их ответах мы замечаем явно субъективные построения и оценки.

⁴³ Для того, чтобы подтвердить это, необходимо привлечь большее количество респондентов и рассмотреть этот вопрос с точки зрения исторической, коллективной, культурной памяти, поскольку исследователи в данных областях склонны рассматривать этот феномен как трансформирующийся в условиях меняющихся контекстов. См. «Историческая память: введение: учебное пособие / Ю.А. Сафронова. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.

В этом объекте респондент-мусульманин видит отражение своей идентичности, и главным образом эта идентичность – религиозная, связанная с исламской доктриной, но также это и арабская идентичность, андалусская идентичность и более конкретно гранадская идентичность арабов мусульман, предки которых происходят из бывшего Гранадского эмирата. Для арабов-мусульман из числа респондентов этот символ является краеугольным элементом, конструирующим их личность. Для христиан – это часть истории их страны, период времени прошлого, наши респонденты признают это наследие как часть своей идентичности, пусть недостаточно понятой до сих пор, но близкой им.

В то время как респонденты-католики четко обозначают связь девиза с самой династией, ответы респондентов мусульман более размыты в отношении эмиров и их дворца, для них этот девиз представляет собой нечто большее, чем просто девиз династии эмиров.

Действительно, являясь носителем сильного и глубокого смысла – этот объект-символ занимает важное место в повседневной жизни жителя Гранады мусульманского вероисповедания. И если для христианина объект является в первую очередь эмблемой династии Насридов, то мусульмане прежде всего упоминают его религиозное содержание. Исходя из слов наших респондентов мы можем констатировать следующее: когда они видят изображение, их мысли уносятся не столько в фактическую историю, сколько в трансцендентальную плоскость, в религиозное измерение. Поэтому мы с уверенностью можем сказать, что религиозная составляющая явно проявлена в этом символе для человека, он видит и чувствует ее за формальными рамками объекта. Обращаясь к этому символу, респонденты могут как философски подходить к произошедшим в прошлом событиям, так и справляться с проблемами и вызовами нашего времени, положившись на заведенный Богом порядок и упорчившись в уповании на Его волю.

Итак, в нашем объекте человек видит себя, историю своих предков, величие исламской цивилизации, духовные ценности и нравственные идеалы своей религии, в нем для него открывается философское, религиозное, трансцендентальное измерение. Проводя сравнение, в отношении мусульман мы можем сказать, что они целиком и полностью ему принадлежат с точки зрения его содержания, в то время как с испанцами дело обстоит наоборот – они видят сам этот объект принадлежащим им, с точки зрения формы, они рассматривают его как часть их самих, одну из многих частей, присваивая себе этот объект в физическом, материальном плане – как факт истории, как наследие существовавшей на их теперешней территории цивилизации, как культурное достояние; тем временем арабы-мусульмане чувствуют свою собственную принадлежность главным образом исходя из религиозного смысла объекта и значений Божьей власти, всемогущества и победы, которые он в себе содержит.

Во введении мы определили наш объект как состоящий из формы и содержания, в ходе нашего исследования мы пытались ответить на вопрос, является ли девиз династии формой или содержанием, или же одновременно и тем и другим? Выяснилось, что следует проводить различие содержаний, которые являют собой уровни видения, понимания и интерпретации нашего объекта. Все респонденты без исключения признают, что объект является девизом конкретной династии, правившей в определенное время на определенной территории. Но для наших респондентов арабов-мусульман открывается другой уровень содержания, другое его измерение, которое уводит их в даль - в прошлое, в будущее, а также за пределы физической формы к смыслам метафизическим, трансцендентным. Поэтому очевидно для нас, что для мусульман этот объект существуют как бы в нескольких плоскостях, в нескольких измерениях, для них важнее представляется то, что он значит в религиозном смысле, а то, что он является девизом, для них вторично; таким образом первичен – его смысл и религиозное содержание. То есть получается, что этот объект для мусульман имеет временное и вне-временное измерение. Поэтому основным выводом можно назвать следующий: не форма влияет на суть, а суть воздействует на форму и определяет ее восприятие людьми, трансформируя ее, делая ее *тем*, чем она является для этих людей, преобразует и трансформирует ее *именно* в то, *чем* она для них является. Также существует предположение, что возможно это изображение для мусульман имеет в большей степени выраженную религиозную коннотацию, поскольку напоминает *шахаду* как визуально, так и на слух, то есть как по форме, так и по смыслу: «НЕТ ПОБЕДИТЕЛЯ, КРОМЕ АЛЛАХА»... «НЕТ БОГА, КРОМЕ АЛЛАХА». И эта формула служит человеку как убежище от невзгод, произнося ее они признают и подтверждают свою религиозную доктрину. Многократно повторяясь в пространстве, на языке и в сердце человека эта формула превращается в *зикр*.

В то же время для одного респондента из числа христиан религиозное содержание объекта выходит за рамки конкретной религии, он говорит, что подобная фраза могла бы принадлежать любой религии.

Руководствуясь типологией уровней взаимодействия мусульманина с объектами исламского искусства⁴⁴, приведем здесь несколько соображений по этому поводу. Несмотря на то, что наш объект, признанный объектом исламского искусства, является продуктом конкретного исторического и политического контекста, тем не менее он занимает место в одном ряду с объектами искусства, имеющими религиозное назначение. Это еще раз подтверждает, что в исламе нет разделения на светское и религиозное: и наш объект,

⁴⁴ См. статью *Islamic Art and Muslims: the levels of engagement* // Pazhouhesh Nameh-e Farhangestan-e Honar <https://pazhouheshnameh.ir/article-1-143-en.html>

являясь девизом победоносной династии, прославляет Того, Кто ей эту победу даровал. Этот уровень мы определяем как уровень, на котором происходит взаимодействие человека и Трансцендентного. На уровне интруппы мы видим проявления коллективной идентичности, воспоминания об общей травме, общее прошлое и настоящее; на уровне взаимодействия с другими мы отмечаем осознание важности и значения мусульманской цивилизации на Пиренейском полуострове для представителей аутгруппы, и признание наследия своих предков в испанцах, которые несут на себе отпечаток мусульманского «славного прошлого», продолжая обычаи⁴⁵ и традиции, оставленные им в наследство мусульманами, даже не зная или не признавая этого...⁴⁶. На индивидуальном уровне изображение рассказывает нашим респондентам что-то о самих себе, вливая рассказы персональной истории в единый поток коллективного опыта, отражая духовные устремления человека...

ЭПИЛОГ

Использованный в ходе опроса респондентов объект сосредоточил в себе различные пласты информации, уровни видения, понимания и восприятия. В нем наши респонденты увидели историю с ее акторами, «славное прошлое» великой исламской цивилизации, торжество наук и искусств, цикл истории с апогеем расцвета и неизбежным упадком, победы и поражения эмиров, «потерянный рай» и сохранившееся наследие предков, силу и слабость человека, его подчиненное положение, смирение перед установленным Богом порядком, надежду на Бога, которому принадлежит окончательная победа...

Попробуем понять, чем все-таки является этот объект для человека... Символом, который объединяет в себе форму и содержание? Указанием на необходимость пристально вглядываться в прошлое, стремясь найти в нем ответы на вопросы сегодняшнего дня? Ключом, отворяющим сердце человека и стимулирующим его к раскрытию своих чувств и переживаний, к сообщению своих мыслей и идей? Шифром или кодом, который запускает процесс воспроизведения хранящейся в подсознании информации? Знаком, сообщающим заведенный во Вселенной порядок? Или намеком на возможность повторения как радости,

⁴⁵ О народных обычаях, которые распространены в Андалусии и имеют арабское происхождение, рассказала нам наша респондентка из Марокко.

⁴⁶ В этом контексте хотелось бы привести стихотворение сирийского поэта Низара Каббани, в котором мы читаем о восприятии арабо-мусульманского наследия ал-Андалуса испанцами и арабами, «У входа в Альгамбру». <https://www.aldiwan.net/poem6258.html>. Сочувствие к потерпевшим поражение мусульманам, ностальгия по великой цивилизации, господствовавшей на земле Андалусии, - сегодня распространенные темы в широких кругах; приведем в качестве примера одну из известных песен популярной в 70-80-е годы 20 века группы «Los Puntos» - «Tierra Cristiana»: <https://music.youtube.com/watch?v=WQ8kZvYiSI8>

так и печали? Напоминанием о важности упования на Божественную волю? Образом прошлого, сохранившимся до нашего времени в материальном виде, в то время как само прошлое растворилось в дали, превратившись в мираж? Формулой, которая становится *зикром* и вселяет успокоение и надежду в сердца?

Как бы мы не обозначили этот объект, для наших респондентов он одновременно является всем сразу. При взаимодействии с ним никогда не происходит игнорирования, объект этот очевиден, заметен, явен, он встречается повсюду, повторяясь снова и снова, становится частью пространства, маркируя его своим существованием, определяя как конкретное содержание, так и смыслы, выходящие за рамки конкретики, существуя как ничем не стираемая подпись на стене времени...

Литература:

The Nasrid Kingdom of Granada between East and West (Thirteenth to Fifteenth Centuries). HdO. Edited by Adela Fábregas Translated by Consuelo López-Morillas. Leiden-Boston: Brill, 2021.

CORTÉS PEÑA, Antonio Luis, VINCENT, Bernard. Historia de Granada. III. La epoca moderna. Siglos XVI, XVII y XVIII. Granada: editorial Don Quijote, 1987.

CORTÉS PEÑA, Antonio Luis. «Musulmanes y cristianos; La imposibilidad de una convivencia». Arbor, CLXXVIII, 701 (Mayo 2004), pp. 31-52.

GARCÍA-ARENAL, Mercedes, RODRÍGUEZ MEDIANO, Fernando. The Orient in Spain. Converted Muslims, the Forged Lead Books of Granada, and the Rise of Orientalism. Traducción de Consuelo López-Morillas. Leiden-Boston: Brill, 2013.

Harris, 2017. HARRIS, A. Katie. «Sacred landscape in early modern Granada. Muslim past and Christian present». En: Eric Nelson, Jonathan Wright (ed.). Layered Landscapes. Early Modern Religious Space Across Faiths and Cultures. London: Routledge, 2017.

HARVEY, L. P. Islamic Spain, 1250 to 1500. Chicago: The University of Chicago Press, 1990.

HIRSCHKIND, Charles. The Feeling of History. Islam, Romanticism, and Andalusia. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2021.

LEA, Henry Charles. Los moriscos españoles. Su conversión y expulsión. 2ª ed. Estudio preliminar y notas de Rafael Benítez Sánchez-Blanco. Alicante: Publicaciones de la Universidad de Alicante, 2001. Edición electrónica: Espagrafic.

LÓPEZ DE COCA CASTAÑER, José Enrique. «La conquista de Granada: el testimonio de los vencidos» // Nobra. Revista de Historia, Vol. 18, 2005, pp. 33-50.

MARÍN LÓPEZ, Rafael. «La Iglesia y el encuadramiento religioso». En: Rafael Gerardo Peinado Santaella (ed.). Historia del Reino de Granada. I. De los orígenes a la época mudéjar (hasta 1502). Granada, 2000, pp. 661-686.

MARTÍNEZ ENAMORADO, Virgilio. “LEMA DE PRÍNCIPES”. SOBRE LA GALIBA Y ALGUNAS EVIDENCIAS EPIGRÁFICAS DE SU USO FUERA DEL ÁMBITO NAZARÍ // AL-QANTARA (AQ) XXVII 2, julio-diciembre de 2006 pp. 529-550.

PUERTA VÍLCHEZ, José Miguel. Leer la Alhambra. Guía visual del monumento a través de sus inscripciones. Granada: Patronato de la Alhambra y Generalife, Fundación Ibn Tufayl, 2011.

VINCENT, Bernard. 1492: “El año admirable”. Trad. castellana de Antonio Gil Ambrona. Barcelona: Editorial Crítica, 1992

WIEGERS, Gerard. «The Christianization of the Mudejars of Granada and the Persistence of Islam after the Expulsion of the Moriscos from Spain (1492–ca. 1730)» // Handbook of Oriental Studies. Section one. The Near and Middle East. Volume 148. The Nasrid Kingdom of Granada between East and West (Thirteenth to Fifteenth Centuries). Ed. Adela Fábregas. Tr. Consuelo López-Morillas. Leiden-Boston: Brill, 2021, pp. 519-545.

Интернет-ресурсы

Beauty and Islamic Theology. Episode nine: Aesthetics in Arabic Thought with Professor José Miguel Puerta Vilchez. <https://www.youtube.com/watch?v=GU3pmlNHQLE>

Ciclo "Diálogos sobre sociedades abiertas": 1. El pilar árabe de la cultura europea (Casa Árabe y el Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación) <https://www.youtube.com/watch?v=RZkZ4Oc8mdc>

Enrique Soria: “Yo sí creo en la convivencia de las tres culturas”// Cordopolis. https://cordopolis.eldiario.es/n-b/enrique-soria-si-creo-convivencia-tres-culturas_1_7014124.html

Отрывок из фильма «Ключи памяти» <https://youtu.be/zeUEQWhLgtg?si=XZLslzR6RTplN6qr>

ПРИЛОЖЕНИЕ

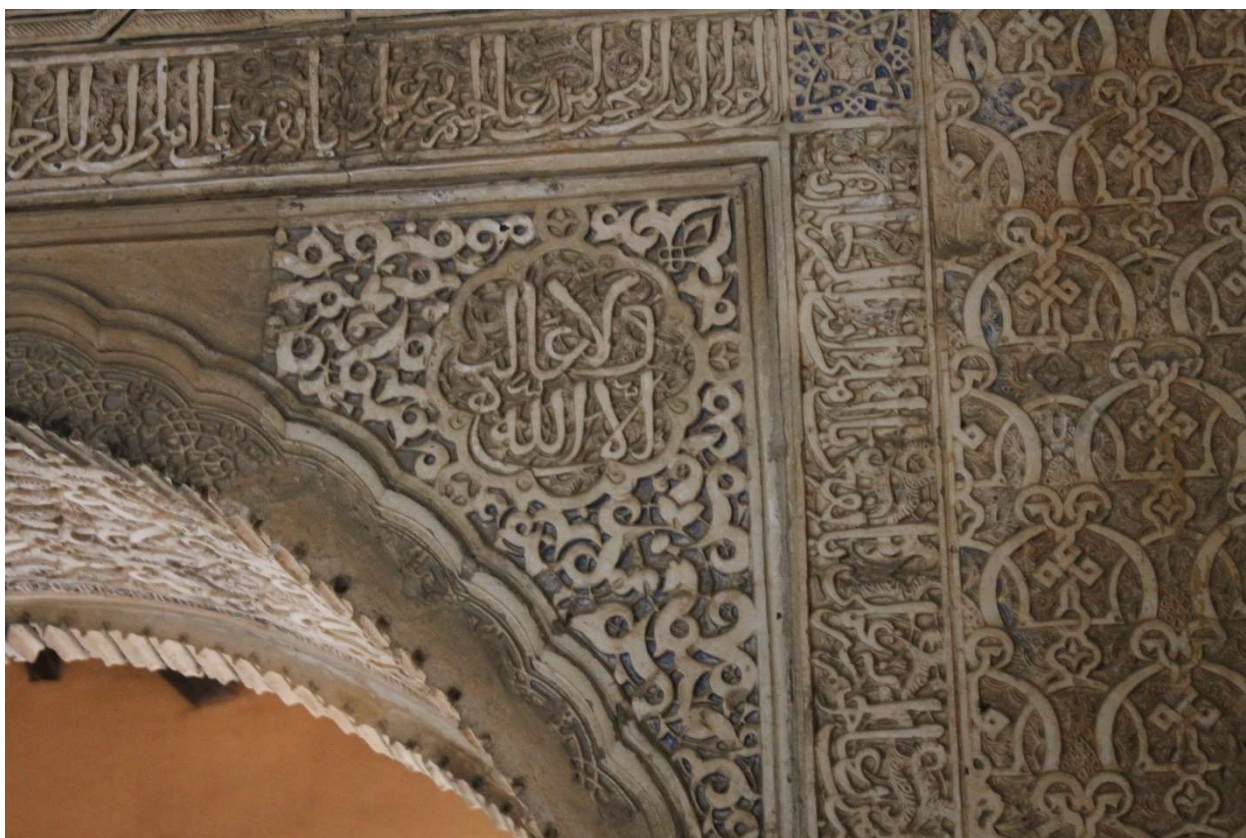

Иллюстрация 1

Иллюстрация 2 и 3

<https://artcalifas.com/>

Иллюстрация 4

Иллюстрация 5